

УДК 811.161.1'282

**ДЕНОТАТИВНЫЙ КЛАСС КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА***В. П. Васильев, Э. В. Васильева***THE DENOTATIVE CLASS AS A CATEGORICAL FRAGMENT
OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD***V. P. Vasilyev, E. V. Vasilyeva*

В статье рассматривается метеонимический фрагмент языковой картины мира сельских жителей, в которой ключевые для понимания метеообъектов идеи выделяются в связи с социокультурным бытием деревенского сообщества, его менталитетом и ценностными ориентациями.

The given article presents an analysis of the metonymic fragments of the rural inhabitant linguistic picture of the world. In the linguistic picture of the world under discussion the key-ideas for the meteo-object mental perception is emphasized in connection with socio-cultural existence of the rural socium, its mentality and values.

Ключевые слова: диалектная картина мира, денотативный класс, метеоним, концепт, ментальность, традиционная культура.

Keywords: the world dialectal map, denotative class, metonym, concept, mentality, traditional culture.

Языковое моделирование мира, направленное на установление результатов переработки языком информации о среде и человеке, стимулируется задачей накопления данных о специфике (языкового) образа мира различных лингвокультурных общностей [21, с. 12].

Одним из приоритетных направлений в изучении языковой картины мира [1; 13; 17] признаётся её по-фрагментное описание [2; 9; 14; 22] на собственно языковом (номинативно-категориальном) и пропозитивно-дискурсном [14], статическом и динамическом уровнях [26; 27].

Содержательным центром статьи является исследование статического аспекта языковой картины мира (ЯКМ), репрезентированного лексической системой русского диалектного языка, который имеет особенности в отражении мира, детерминированные условиями проживания и ценностными установками сельских жителей, а также характерными чертами традиционной (деревенской) культуры. В ней рассматривается метеонимический фрагмент ЯКМ сельского социума в границах отдельного денотативного класса, языковые средства которого вербализуют концепт *роса*. Обращение к теме «образ природы и её познания» обосновывается также тем, что ещё в недавнем прошлом она относилась А. Я. Гуревичем к числу новых тем исторического исследования «картины мира» определённой социальной общности [24, с. 6].

Основу источниковой базы исследования образуют данные, извлечённые из словника «Словаря русских народных говоров» [23], а также картотека подготавливаемого к печати недифференциального «Сибирского метеорологического словаря» [4].

При анализе диалектной языковой картины мира (ДКМ) с точки зрения претворения в ней социокультурного бытия сельского сообщества, его менталитета и ценностных ориентаций [3; 6] следует акцентировать внимание на ряде моментов, важных для обозначения границ ДКМ и характера её освещения.

ДКМ в лексическом воплощении, отображая народную концептуальную картину мира, предстаёт совокупностью частных диалектных систем, которые, дифференцируясь на языковом уровне, обнаруживают единство на речевом уровне, проявляя тем самым единое смысловое пространство макротерритории. В связи с фактом дискурсивного преодоления семантических расхождений [26] между частными диалектными системами как показателем единства основных черт народного мировоззрения изучение метеонимического фрагмента ДКМ, в ближайшей перспективе рассчитанное на его сопоставление [8] с одноимённым фрагментом литературной картины мира [5], осуществляется в аспекте совокупного семантического пространства. Отсюда следует, что вариативность, будучи конститутивным свойством диалектного идиома, становится релевантной лишь в его противопоставленности литературному языку в рамках идиоэтнической, национальной картины русского языка.

ДКМ в своём языковом строе запечатлевает народное мировидение как комплекс мироощущения, мироосмысления и мирооценки. Её специфика обуславливается:

во-первых, особенностями внешней среды, воздействующей на сознание,

во-вторых, особенностями самого коллективного сознания (склада мышления), которые проявляются в логических операциях над реалиями внешнего мира, в работе механизмов не только логико-понятийного, но и эмоционально-оценочного и других компонентов обыденного сознания [16, с. 141],

в-третьих, характером вовлечённости окружающего мира в сферу жизнедеятельности людей, их интересов и потребностей.

Изучение традиционных взглядов на природу предполагает установление «точки мировосприятия» диалектоносителей, вскрытие через их языковую стихию лингвоконцептов как единиц ментальности / менталитета [11, с. 12] сельской культурно-

языковой общности. На уровне фрагментации ДКМ предусматривается систематизация знаний о концептуализируемом явлении, о его сущности и свойствах, полученных носителями языка в результате освоения реалии «в рамках социально выработанных познавательных моделей» [20, с. 109], образов интерпретации, ментальных стереотипов, или менталитета. Надо заметить, что в целостное представление о явлении включается и наивное первичное знание о нём, и логическое осмысление его, а также знание, не поддающееся логическому объяснению, и явное заблуждение [16, с. 21]. Кроме того, на нём лежит печать таких качеств ДКМ, как её субъективность, наивность (донаучность), мифологичность, противоречивость, инертность и т. п.

Считается, что носителями ДКМ являются сельские жители старшего и среднего возрастов с развитым и устойчивым менталитетом. В контексте социальных перемен в обществе, новой экономической и политической ситуации, ведущих к изменениям в сознании сельского населения, к разрыву традиций между поколениями и неравномерному развитию отдельных участков лексической системы в различных говорах, зреловозрастные диалектоносители, в разной мере удерживая традиционные особенности диалектного языка, сохраняют в себе его «ближнюю историю». Всё это «позволяет ставить вопрос о совмещении фактов различных говоров как способа диахронического исследования, направленного в конечном счёте на реконструкцию традиционных лексических систем» [12, с. 12], а также стоящей за ними историко-культурной информации.

Взятый за основу изучения метеонимического фрагмента ДКМ денотативный класс (ДК) включает в себя различные частеречные слова, в которых закрепляются представления о наиболее значимых сторонах явления [22, с. 38] росы: ср. кем., новг. *росичка* 'ласк. к роса', ворон., липец. *зароситься* 'выпасть (о росе)', алт., новг. *росовый* 'собранный из капель росы (о воде)', смол. *росяно* 'обильно покрыто росой'. В него входят также сверхсловные единицы – сравнения (ряз. *как росица* 'о небольшом дожде'), составные наименования (смол., ср.-обск. *медовая росица* 'роса во время выделения нектара медоносными растениями'), фразеологизмы (кем., н-сиб., тюр. *по росе* 'рано утром', свердл. *ходить под Иванову росу* 'купаться в Ивановой росе'), афористические выражения (кем. *коси, коса, пока роса*), паремиологические единицы: пословицы (*как роса упадёт, так и след пропадёт*), поговорки (смол. *покуль солнце взойдёт, роса вочи выбьёт* 'о том, чего приходится долго ждать'), загадки (красн. *вечером наземь слетает, ночью на земле пребывает, утром опять улетает*). Для данного случая исследования ДК к анализу привлекаются лишь те языковые средства, которые обеспечивают *эндогенную* (греч. *endon* 'внутри') направленность в картировании концепта росы. Значения подобных единиц складываются из сем, которые в сочетании с их идентификатором вычлениают соответствующие сегменты из инвариантного содержания лексемы *роса*.

Внутренняя организация ДК, центрируемого метеонимом *роса*, образуется корпусом номинаций, семантически систематизированных в направлении от обозначения целостности (холистичности) явления к обозначению отдельных её частей (парцелл).

Холистический способ языкового картирования росы

Лексемы, которые передают в разной степени обобщённую информацию о росе как целостном явлении, определяют таксономический профиль ДК. Его базовый уровень, представленный общерусским словом *роса*, дополнительно символизируется формальным территориальным вариантом калуж., курск., орл., тул. *рось* и двумя рядами мотивированных лексических единиц. Одни из этих единиц, наделённые суффиксами субъективной оценки (смол., ряз. фольк. *росица*, том. фольк. *росонька*, иван. *росынька*, кем., новг. *росичка*, красн. *росица-водица* – 'ласк. к роса'), фиксируют положительное эмоциональное отношение к метеоявлению, поскольку оно, сравнительно с другими атмосферными осадками, не приносит неизбежного и большого урона земледельческому труду. Другие, выражая общее понятие о явлении, разнятся способом его запечатления. В приводимых далее примерах разнолокального обозначения росы живая внутренняя форма морфологически и семантически мотивированных слов указывает на неодинаковые признаки атмосферных осадков:

– росу как вещество в жидком состоянии или покров вещества в жидком состоянии – красн. *мокронос* 'роса' < "то, что несёт мокро" ← *мокро* 'сырость; грязь', *нести* 'иметь, заключать в себе' и ср. *медонос* 'медоносное растение'; волог., камч. *мокрось* 'роса' < "вещество в виде мокрого покрова" ← *мокрый* 'покрытый влагой' и ср. *жидкость* 'вещество, обладающее текучестью'. Ср. *По мокрости ходили* (Волог.). *А пока мокронос, работали* (Красн.);

– росу по времени проявления – сиб., терск. *заря* 'роса' < "роса, выпадающая перед восходом или после восхода солнца, ранним утром" ← *заря* 'период времени в сутках перед восходом или после восхода солнца, время появления на горизонте яркого освещения; раннее утро';

– метеоявление с точки зрения божественного происхождения – чит. *божья вода*, н-сиб. *божья капля* 'экспр. роса' ← *вода (капля)* росы как дар Бога. Ср. *Божья роса Божью землю кропит* (поговорка). *Даже можно молитву на неё брать, потому что она роса Божья* (Кем.).

Слова и устойчивые обороты суббазового уровня воспроизводят более конкретную семантику, выражая специфические признаки отдельных видов росы. Гипонимические значения, поставленные в соответствие системе человека как мерила ценности окружающего мира [2, с. 37], предстают специализированными семантическими инвариантами, которые отражают различные возможности и разные пути постижения мира диалектоносителями. К ним относятся:

– физическое (оптическое, обонятельное) восприятие явления – карел. *мокруша* ‘мелкая роса’, н-сиб., пск., твер. *порось* ‘мелкие капли росы на траве, растениях’, смол., ср.-обск. *медовая росица* ‘роса во время выделения нектара медоносными растениями’, смол. *спадь* ‘медовая роса, с которой пчёлы берут мёд’;

– интеллектуальное осознание явления через формулирование умозаключения – арх. *сироты заплачут* ‘об обильной росе’, а также выведенные из действительных наблюдений приметы – амур. *сироты заплачут* ‘о росе на цветах, появляющейся перед дождём’;

– верования и народно-мифологические воззрения – вост.-сиб., енис. *иванова роса* ‘роса в ночь на Ивана Купалу’, енис., кем., ленингр., том. *ивановская роса* ‘роса на траве в ночь на Ивана Купалу; по народным поверьям, обладает целебными свойствами’; том. *юрьева роса* ‘роса, выпавшая в Егорьев день; по народным поверьям, обладает целебной силой для животных’;

– превратное истолкование в качестве росы выпота на растениях по причине сходства производимого впечатления – красн. *медовуха* ‘вид росы’. Ср. *Медовуха падает, во рже спорина (появляется), портит много пчёл. У пчелы заводится заболевание от медовухи* (Красн.);

– утилитарные аграрные интересы селянина – красн. *помеха* ‘вид росы, от которой желтеют огурцы’, урал. *помох*, амур., н-сиб., урал. *помоха*, бурят., волж., пенз., том., урал., челяб. *помоха*, амур. *помуха*, амур., бурят., дон., омск., сиб., симб., челяб. *помха*, амур., омск. *помха*, алт., кем., тобол., том., челяб. *ржа*, кубан., смол. *ржавчина*, казан., ряз., тамб., твер. *мгла*, вят., казан., калуж., курск., рост., тамб., терск., тул. *мга* – ‘губительный для растений холодный туман, роса’.

Парцеллярный способ языкового картирования росы

В зависимости от признаков, выступающих в качестве основания расчленения явления, выделяются его различные части, которые обозначаются в большинстве случаев с опорой на номинацию целого:

– «составные частицы росы», манифестируемые нейтральными, уменьшительно-ласкательными и ласкательными существительными – *росинка* ‘капля росы’, пск., твер. *росиночка* ‘уменьш.-ласк. к росинка’, брян. *росочка* ‘ласк. к росинка’;

– «функциональное состояние росы» – диал. безл. *росить* ‘выпадать росе’, иван. *росинеть* ‘выпадать (о росе)’, ворон., липец. *зароситься* ‘выпасть (о росе)’;

– «покрытие» как способ наземного существования росы – диал. *росеть* ‘покрываться росой’, яросл. *обросенеть*, волог. *обросеть*, ряз. *обросниться* – ‘покрываться росой’, влад., *оброснуть*, смол. *обросянить*, ряз. *обросить* – ‘покрыть росой’; кем. *росовый* ‘покрытый росой (о траве)’, смол. *росяно* ‘обильно покрыто росой’;

– «время суток», когда проявляется или не проявляется роса – кем., н-сиб., тюрм. *по росе* ‘рано ут-

ром’, н-сиб. *сухорос* ‘утро без росы’, амур. бурят., ирк., кем., красн., омск., том., тув. *сухорос*, кем., том. *сухоросица*, амур., кем. *сухоросье* – ‘отсутствие росы утром’;

– «объекты покрова», к которым прежде всего относится трава или травянистые места – алт., кем. *по росе* ‘по мокрой от росы траве’, диал. *роснополе* ‘поле на заре, когда роса ещё не обсохла’;

– собранная или собираемая «влага» – алт., новг. *росовый* ‘из росы, росный (о воде)’, урал. *росяная вода* – ‘вода, собранная из капель росы’.

Вне словообразовательного единства ДК находятся лексические единицы, обозначающие функциональное состояние явления и прекращение его бытия, покрытие объекта или его повреждение.

Глагольные слова *садиться* (*сесть*) ‘оседающая, сгущаясь, опускаться к поверхности земли, воды (об атмосферных явлениях: кухне, росе, тумане)’, *падать* (*насть*) ‘ложиться, опускаться на землю (о росе, тумане)’, характеризующиеся закрытой сочетаемостью, указывают на совмещённость функционального состояния с покрытием объекта. В их метафорической внутренней форме заложено уподобление функционального состояния явления физическим действиям человека. Функциональное состояние атмосферного явления также может соотноситься с функционированием другого природного явления, что демонстрируется глаголом новг., ряз. *спрыснуть* (*спрыскивать*, *спрыснувши*) ‘выпасть (о росе)’, метафорически соотносённым с первичной плювиальной номинацией пск., ряз. *спрыснуть* ‘слегка брызнуть и быстро пройти (о небольшом дожде)’. Основания установленной ассоциации высвечиваются и поддерживаются общерусской семантикой: *спрыснуть* ‘обдав брызгами, слегка смочить’, *брызгать* ‘обдавать, покрывать брызгами’, устар. *прыск* ‘мн. брызги, мелкие частицы чего-л.’. Наблюдаемое убеждает в наличии приоритетов (эталонов) в иерархии целостно воспринимаемого мира.

Мотивированные глаголы ирк. *ободнять* / *ободняться* ‘высохнуть, обсохнуть (о росе)’ – ср. *Вот ободняет маленько и по ягоды можно идти* (Ирк.) – образовались путём метонимического переноса (← *ободнять* / *ободняться* ‘наступить дню’), что вскрывается внутренней формой вторичного значения “высохнуть с наступлением дня (о росе)”.

Глаголом арх. *забуситься* ‘покрываться мелкими каплями росы (при сильном тумане)’ репродуцируется образно-ассоциативная связь росы с пищевыми продуктами, что выражается его метафорической внутренней формой “покрываться мелкими каплями <росы>, словно бусом (пылью, мукой на мельнице)” (ср. *круп* ‘мелкий град’ ← ‘продукт питания, состоящий из очищенных и лушёных хлебных зёрен’; амур. *мукосей* ‘мелкий обложной дождь’ < “дождь, словно просеивающаяся [через сито] мука” ← *сеять* ‘очищать что-л. сыпучее от ненужных примесей, пропуская через сито, решето и т. д.’ и *мука* ‘порошкообразный продукт питания, получаемый путём размолла зерна хлебных злаков’) [3, с. 31; 6, с. 122]. «Пищевая» коннотация слова отображает

позитивный план осмысления номинируемого им явления.

Корнеслов *-ед-*, характеризующийся значением повреждения неодушевлённого объекта, включает в себя слова кем. *едучий*, кем., том. *съестъ – съедать* ‘перен. причинить (причинять) вред сельскохозяйственным культурам (о росах, туманах и под.)’, том. *поесть*. Ср. *Она едуча роса бывает, иной раз съедает ягоду* (Кем.). *А худа роса упала, вредна. Съела всё* (Том.). «Одушевлённая» приложимость глаголов, ограниченных сочетаемостью с метеонимами (*роса, туман*), метафорически восходит к глаголам физиологического действия: *есть* ‘питаться чем-л. пережёвывая пищу с помощью зубов и языка и глотая её, тем самым давая организму питательные вещества, необходимые для его жизнедеятельности’ (ср. некоторые синонимы: *поглощать*, прост. *пожирать, жрать*, разг. *уничтожать*). Через перенос номинации проявлен признак архаичной культуры, связанный с эмоциональной бессознательной сращённостью человека с явлениями и существами природы.

Итак, анализ ДК изнутри вскрывает то, что его стереоскопическая организация характеризуется тремя системообразующими параметрами: парадигматическим (*роса*: карел. *мокруша* ‘мелкая роса’, арх. *сироты заплачут* ‘об обильной росе’, красн. *помеха* ‘вид росы, от которой желтеют огурцы’...), деривационным (*роса* → общерус. *росинка* ‘капля росы’ → пск., твер. *росиночка* ‘уменьш.-ласк. к росинка’; *роса* → иван. *росинеть* ‘выпадать (о росе)’...), синтагматическим (*едучая... роса... съела, поела ягоду*) и их координацией (*вода х роса* → урал. *росяная... вода* ‘вода, собранная из капель росы’...).

Единицы ДК фиксируют ряд особенностей в моделировании мира.

Языковое картинирование росы, обнаруживающееся в таких видах семантического членения знания о ней [8, с. 43], как парциальное деление интенциональной семантики имени: общерус. *росинка* ‘капля росы’, кем., н-сиб., тюрк. *по росе* ‘рано утром’ и др.; профилирование отношений между целым явлением и его частями: урал. *росяной* ‘собранный из капель росы (о воде)’ и др.; активизация имплицативных признаков словозначения, передающих свойства явления: красн. *помеха* ‘вид росы, от которой желтеют огурцы’, ирк. *ободневать* ‘высыхать, обсыхать (о росе)’ и др., – характеризуется прежде всего превалированием дробных семантических инвариантов, своей суммативностью укладывающихся в границы лексического значения метеонима *роса* как базового инварианта (*роса* и – кем. *росовый* ‘покрытый росой (о траве)’, иван. *росинеть* ‘выпадать (о росе)’, алт., кем. *по росе* ‘по мокрой от росы траве’ и т. п.).

Преобладание в ДК существительных (71,6 % «ареалословозначений»), с одной стороны, и единиц его парадигматического и деривационного измерений (70 %), с другой стороны, задаёт прежде всего предметно-классификационный (гипо-гиперонимический, партитивный) способ оформления зна-

ний о росе. Составом его единиц удерживается психологически яркий образ «мелкие капли воды, покрывающие в утреннее время растения», обогащённый оценками ласкательности и вредного / полезного утилитаризма. «Калейдоскопичность» выявляемого содержания концепта иллюстрирует антропоцентрическую направленность в моделировании явления.

В ДКМ заложен характер освоения селянами явления росы, эксплицированный в лексических и мотивационных значениях единиц ДК. По этому основанию они делятся на:

а) «натурфактонимные» значения (59,1 %): красн. *мокрос* ‘роса’, карел. *мокруша* ‘мелкая роса’, диал. *роснополье* ‘поле на заре, когда роса ещё не обсохла’, ирк. *ободневать / ободневаться* ‘высохнуть, обсохнуть (о росе)’ и др.;

б) «натурфактонимные» значения, отягощённые агионимическими и социальными (антропологическими) компонентами (40,9 %): сиб., терск. *заря* ‘роса’, н-сиб. *божья капля* ‘экспр. роса’, арх. *сироты заплачут* ‘об обильной росе’, енис., кем., ленингр., том. *ивановская роса* ‘роса на траве в ночь на Ивана Купалу; по народным поверьям, обладает целебными свойствами’, красн. *помеха* ‘вид росы, от которой желтеют огурцы’, брян. *росочка* ‘ласк. к росинка’ и др., которые на шкале частотной вероятности располагаются в зонах ядра и ближней периферии.

В своей целостности анализируемые значения показывают космологический стиль мировосприятия [25, с. 294, 303] диалектоносителей с преимущественным акцентом на природе. Единство человека и природы удостоверяется следами архетипического видения мира, лежащими в основе антропоморфного метафорического стереотипа: «субъектное помещение → покрытие объекта» (*роса ... садилась / села, ложилась / легла*), «физиологическое действие → повреждение неодушевлённого объекта» (*роса... съела огурцы, съела ягоду, поела лук*).

Роса осмысливается с позиции веры (двоеверия) и земледельческого труда как высших ценностей русской деревни [18, с. 285].

Православное отношение к росе, равно как и к дождю, отражается в устойчивом представлении о её богозаданности, святости, небесном происхождении (ср. орл. *святой дождь*, арх. *святовода* ‘дождевая вода’): *Появление росы от перепада* [температуры]. *Вот, значит, к утру похолодает и, значит, оттудова льётся с неба. Господь нам даёт, нам эту росу* (Кем.). В связи с этим роса оказывается неотъемлемой от христианских праздников весенне-летнего цикла – дня святого Юрия (Георгия Победоносца), покровителя скота и плодородия, и дня Рождества Иоанна Крестителя (= Ивана Купалы), посвящённого плодородию, культу солнца и изгнанию нечистой силы [19, с. 49 – 59], – которые, будучи в своей основе языческими, в разной мере сохраняют в себе элементы древней религии.

Особая значимость юрьевской росы как первой, ранней росы состоит в её наделённости в традиционной культуре продуцирующими (плодородными) силами и целебными свойствами. Ср. *На Егорья ро-*

са – добрые проса; Юрьева роса от сглазу, от семи недугов. Мотивом, символизирующим благопожелание «Будь здоров, как Юрьева роса», объясняется обычай собирать росу (ср. урал. *росяная вода* ‘вода из собранных капель росы’), предназначенную для излечения или предохранения человека и животных от болезней. Этот мотив также заставлял руководствоваться установкой, заложенной в поговорке «Юрий росу спустил – гони животину на Юрьеву росу», в связи с чем в этот день старались выгонять скот пораньше, поскольку считалось, «что, поев травы с юрьевой росой, скот станет более тучным» [15, с. 214].

Языческий обычай сбора целебной росы для различных магических действий с ней (скотоводческая, любовная, лечебная, очистительная... магия) находил себе место и среди купальских обрядов в Иванов день.

На свойстве скоротечности росы во время солнечного тепла (ср. ирк. *ободнять / ободняться*) основывается заговор с росой, выполняемый по случаю избавления от болезни [10, с. 474]: *Есть молитва такая. Вот если человека плохо, берёшь росу и говоришь: «Как роса эта быстро высыхает, значит, чтобы ты быстро перестал болеть». Вот так я внуков (Кем.).*

Аграрная сторона сельской ментальности маркируется своеобразием ряда значений. Некоторые из них, отражая прагматическую эгоцентричность селянина, поддерживаются архетипической оппозицией «помощь – вред». Среди них гипонимические названия росы, наделённые семантикой пагубного эффекта на культивируемые растения, обусловленного прежде всего температурным режимом выпадения атмосферных осадков или наличием в них химических примесей: красн. *помеха* ‘вид росы, от которой желтеют огурцы’, бурят., том., волж., пенз., урал., челяб. *помоха* ‘губительный для растений холодный туман, роса’ и др.; ср. лат. *roratio* ‘опадение виноградных ягод (вследствие холодных рос)’. Отсюда моление при первом громе «Пошли, Господи, тихую воду да тёплую росу».

ДКМ имеет специфику в естественной категоризации явления [7]. Сущностное представление о росе основывается на широкой генерализации: под базовое понятие *роса* диалектоносителями подводятся такие явления, терминологические значения которых в научном языке – ср. *роса* и *наморось* ‘водяной налёт на тонких или выдающихся предметах (проводах, ветвях, выступах, углах и т.п.) с наветренной стороны, оседающий из тумана при соприкосновении его капель с поверхностью объектов’ – существуют на правах соподчинённых понятий (согипонимов).

Разница в систематизации знания о метеоявлениях, облекающегося в категории базового уровня, покоится на несовпадающих принципах их освоения, которые используются в наивной и научной метеорологии. Рядовые носители языка при категоризации атмосферных реалий руководствуются принципом наглядности: они объединяют внешне сходные явления, пренебрегая при этом различной природой их происхождения. По этой причине под одно

название подводятся генетически (метеорологически) существенно различные, но внешне неотличимые друг от друга метеоявления, а также явления бытового характера: пск. *роса* ‘капли влаги на оконных стёклах от осевших паров’. Ср. *Стекла заплыли как росой, роса называется, зимой она долго стоит* (Пск.). Сюда же притягивается и ложно понятое явление гуттации, оформленное в языке как разновидность росы: амур. *сироты заплачут* ‘о росе на цветах, появляющейся перед дождём’. Ср. *Если цветок сирота покроется росой – значит будет дождь. Сироты заплачут – значит жди дождя, – оне капельками покрываются, цветы-то* (Амур.). Представляется, что устойчивая пропозитивная номинация вида росы восходит к переменному предикативному сочетанию, отображающему ситуацию выделения растением (в том числе *сиротой*) капель воды через водяные устья листьев под воздействием корневого давления. Эта функциональная способность растения именуется антропогенным метафорическим глаголом том. *плакать* ‘покрываться каплями влаги. О растении’ (ср., к примеру, дон. *плакать* ‘истекать соком. О растениях весной’) ← ‘лить слёзы от боли и душевного потрясения (о человеке)’. Таким свойством обладают и другие растения: *Иван мокрый как дождь, так он и плачет перед дождём* (Том.). *А ещё, знаете, есть алоказия, так, вроде, её зовут, она у нас тоже перед дождём плачет, с её широких листьев вода так и капает – слёзки перед дождём* (Том.).

Таким образом, в языковом (номинативно-категориальном) выражении ДКМ усматриваются ярко выраженные признаки менталитета, доминирующие в традиционном русском социуме – космологичность, бытовая религиозность, опора на обычай, преимущественное внимание к внешней стороне явления при его познании. Эти признаки ДКМ должны быть дополнены и развёрнуто проиллюстрированы при анализе языковых единиц, демонстрирующих экзогенную направленность в языковом картировании росы, а также через описание дискурсивного проявления её концепта.

Литература

1. Богатырёва, И. И. Языковая картина мира / И. И. Богатырёва // Рус. словесность. – 2010. – № 1. – С. 67 – 73.
2. Брысина, Е. В. Антропоцентризм фразеологической картины мира диалектоносителей / Е. В. Брысина // Русское слово. – Волгоград: Волгогр. пед. ун-т, 2007. – Вып. 1. – С. 37 – 47.
3. Васильев, В. П. Денотативный класс с опорным словом *град* как средство представления культурной информации / В. П. Васильев // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. – Новосибирск, 2009. – С. 29 – 33.
4. Васильев, В. П. Когнитивно ориентированный толково-идеографический словарь русских метеонимов Сибири / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. – Вып. 10. – С. 182 – 198.

5. Васильев, В. П. Концепт в единстве его содержания и формы выражения. Метоним *роса* / В. П. Васильев // *Вопр. когнитивной лингвистики*. – Тамбов: Ин-т языкознания РАН: Тамб. гос. ун-т, 2005. – № 2. – С. 51 – 64.
6. Васильев, В. П. Метеорологическое слово в контексте его культурного существования / В. П. Васильев // *Слово. Предложение. Текст*. – Орёл: ОГУ, 2009. – С. 120 – 126.
7. Васильев В. П. Наивная метеорология и обыденное языковое сознание / В. П. Васильев // *Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика*. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 430 – 437.
8. Васильев, В. П. О категориальных различиях диалектной и литературной картин мира / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // *Актуальные проблемы русской диалектологии*. – М.: ИРЯ РАН, 2009. – С. 42 – 44.
9. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 240 с.
10. Виноградова, Л. Н. Роса / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // *Славянские древности*. – М.: Междунар. отн-ния, 2009. – Т. 4. – С. 470 – 474.
11. Воркачёв, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачёв // *Антология концептов*. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 10 – 13.
12. Востриков, О. В. Идеографический словарь русских говоров Среднего Урала / О. В. Востриков // *Уральский лексикографический сборник*. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – С. 4 – 16.
13. Карданова, К. С. Языковая картина мира: мифы и реальность / К. С. Карданова // *Рус. яз. в школе*. – 2010. – № 9. – С. 61 – 65; № 10. – С. 56 – 61.
14. Климова, Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира / Л. А. Климова. – М.: МПГУ, Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
15. Коновалова, Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург: Урал. пед. ун-т, 2000. – 233 с.
16. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
17. Кубрякова, Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека / Е. С. Кубрякова // *Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева*. – Чебоксары, 2003. – № 4. – С. 3 – 12.
18. Кузнецов, С. В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства / С. В. Кузнецов // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.)*. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 285 – 293.
19. Левкиевская, Е. Мифы русского народа / Е. Левкиевская. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 528 с.
20. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
21. Марковина, И. Ю. Теория лакун в исследовании проблем межкультурного общения / И. Ю. Марковина // *Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения*. – М.: МГИМО – Университет, 2007. – С. 10 – 27.
22. Симашко, Т. В. Языковая картина мира в кумулятивном аспекте / Т. В. Симашко // *Мир человека и мир языка*. – Кемерово, 2003. – Вып. 2. – С. 32 – 57.
23. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб: Наука, 1965 – 2007. – Вып. 1 – 41.
24. Сухова, О. А. Десять мифов крестьянского сознания / О. А. Сухова. – М.: РОССПЭН, 2008. – 679 с.
25. Тульцева, Л. А. Божий мир православного крестьянина / Л. А. Тульцева // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.)*. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 294 – 305.
26. Чесноков, П. В. Неогумбольдтианство / П. В. Чесноков // *Философские основы зарубежных направлений в языкознании*. – М.: Наука, 1977. – С. 7 – 62.
27. Чесноков, П. В. О двух языковых картинах мира – статической и динамической / П. В. Чесноков // *Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. школы*. – 1989. – Вып. 3.